Восемнадцать месяцев

Теперь, когда Наруто исполнилось восемнадцать месяцев, за ним не нужно было следить каждую секунду. Он сидел на коврике в центре запертой, безопасной для детей комнаты, окруженный множеством развивающих игрушек.

В данный момент он сосал большой палец левой руки, прижимая к левому локтю любимое мягкое животное, а правой рукой пытался просунуть квадратный блок в треугольное отверстие в боку коробки. Через несколько минут он остановился и осмотрел блок, а затем очень осторожно поднес его к квадратному отверстию в нескольких дюймах от треугольного. Блок поместился с минимальным усилием, и Наруто широко улыбнулся.

Теперь, когда все блоки были в безопасности, Наруто перешел к странному устройству, которое часто издавало звуки и шумы, когда он нажимал на случайные кнопки на нем.

Осторожно он нажал на красную кнопку. Раздался звук сирены, и он усмехнулся, с удовольствием нажимая на кнопку снова. Затем он нажал на синюю, и странная маленькая камера пластикового устройства начала вращаться, показывая ему несколько картинок в быстрой последовательности.

Голубые глаза ребенка загорелись, когда он увидел главный соблазн: оранжевую кнопку. Мгновенно он нажал на нее изо всех сил, и устройство словно взорвалось: одновременно раздалось несколько звуков, когда затрещали другие кнопки, и открылся небольшой отсек. Из него выскочила небольшая мягкая пластиковая игрушка - свинья с огромной ухмылкой, и записанный на пленку голос произнес "Уинк, уинк!", после чего свинья убралась, а дверца на шарнирах захлопнулась.

"Оинк, оинк!" радостно повторял Наруто, снова нажимая на кнопку. Ему нравилась эта игрушка.

Дверь открылась с нажимным звуком, и Наруто повернулся, чтобы увидеть, как в комнату рысью вбегает небольшое коричневое животное, приостанавливается и обнюхивает его.

"Ну, тебя не нужно переодевать", - сказал он низким, серьезным голосом. "КАКАШИ! Это безопасно!"

Наруто нахмурился и наклонил голову. Он смутно узнал это существо. "Собачка?" - медленно спросил он, и коричневое существо посмотрело на него. Теперь Наруто был уверен: этот пушистый зверек - собачка, а значит...

"Собачка!" - закричал он, когда в комнату вошел взрослый человек, держа в руках коричневый бумажный пакет. Мужчина остановился и поморщился, но Наруто не обратил на это внимания, поднявшись на ноги и шатаясь, подошел к серебристоволосому мужчине.

"Привет, пупс", - начал мужчина, но тут же вскрикнул и протянул руки, чтобы поймать ребенка, когда тот споткнулся и упал.

"Собачка", - серьезно повторил Наруто, вглядываясь в бело-красную мордочку. "Оок! Собачка!"

Он протянул свою любимую плюшевую игрушку. Какаши секунду смотрел на нее, потом вздохнул. "Черт возьми, у Мышонка больное чувство юмора. Да, Пуп, это собака. Молодец."

Наруто в замешательстве нахмурился, пытаясь уловить смысл этой речи.

"...Собачка", - сказал он в конце концов.

Какаши долго смотрел на него. Выросший в АНБУ, где взрослые редко разговаривали, Наруто обладал весьма ограниченным словарным запасом. Сумма всех слов, которые он мог произнести, составляла всего семь слов, три из которых он не мог произнести правильно. Кроме того, у него были различные детские слова и полузвуки, но в итоге он говорил только "оок" - то есть "смотри", "оинк", "бррр", "ungry" - вместо "голодный", "dat" - "это", "un" и, конечно же, "собачка".

Почему я здесь? спросил себя Какаши. Он посмотрел на свои руки, все еще держащие малыша, и вспомнил о бумажном пакете. Ах да... Мышонок на задании... кто-то должен был его покормить... Колибри попросила передать... чертовы самки.

"Собачка?" Наруто нажал на кнопку, большие, широкие, знакомые глаза смотрели обиженно и растерянно. Какаши тяжело вздохнул.

"Хорошая игрушка", - нехотя сказал он. "Как ее зовут?"

"Уинк!" ярко сказал Наруто. Какаши закатил глаза. Фигуры.

"Мне пора идти", - монотонно произнес он. "Вот обед. Ты голоден?"

"Не голоден?" Наруто повторил слово, которое узнал. Какаши протянул ему бумажный пакет, и его глаза загорелись. "Ун!"

Отпустив ребенка и пакет, Какаши быстро отступил, остановившись перед дверью, чтобы сделать дрожащий вдох.

Ему было неприятно видеть этого ребенка. Он слишком сильно напоминал ему...

о сенсее.

Пятнадцатилетнему подростку было проще держаться подальше.

Двадцать восемь месяцев

Старый Хокаге сидел на полу в игровой комнате, выглядя крайне недостойно, и улыбался двухметровому светловолосому сгустку энергии, которому недавно исполнилось два и четыре месяца.

Ребенок сидел напротив него, а между ними лежал детский пазл, состоящий всего из восьми кусочков. Наруто как раз подбирал последний кусочек и широко улыбнулся.

"Собачка!" - объявил он. Сарутоби вздохнул и покачал головой.

"Нет, Наруто, это лягушка", - мягко сказал он, указывая на картинку. "Лягушонок".

Наруто нахмурился. "Лягушонок?" - осторожно повторил он. Сарутоби кивнул, и его ухмылка вернулась. "Собачка-фрогги!" - напевал он и радостно хихикал.

Сандайме покачал головой и улыбнулся. "Достаточно хорошо", - сказал он. Наруто ничего не ответил, а поднялся на свои пухлые ножки и зашагал прочь.

Он овладел искусством ходить, почти не шатаясь, и Сарутоби знал, что Окс и Би брали его с собой на подземную тренировочную площадку АНБУ и начинали с ним базовые упражнения, что, впрочем, шло прямо вразрез с приказом, но сходило с рук, поскольку они утверждали, что играли, а не тренировались.

В любом случае, Наруто, похоже, это нравилось, так что Сарутоби не видел необходимости вмешиваться. К тому же он учился лучше говорить, что не могло не радовать.

Ребенок был неестественно мал для своего возраста, настолько, что Сарутоби забеспокоился бы, что им пренебрегают, а значит, его рост замедляется, если бы не знал, что Пес напугал своих воспитателей, заставив их кормить его не менее четырех раз в день.

При этой мысли Хокаге снова улыбнулся. Несмотря на то, что Какаши терпеть не мог находиться рядом с ребенком, ему было небезразлично, что случилось с сыном Минато. Именно эта отстраненная забота позволяла Сарутоби спокойно относиться к нынешнему положению ребенка: при Какаши Наруто никогда не пострадает.

К сожалению, восемь месяцев назад Мышонок погиб на миссии, так что у Наруто не было конкретного воспитателя, но, похоже, он прекрасно справлялся, когда был предоставлен сам себе, не возражая, если разные люди приходили его переодеть, накормить и иногда поиграть с ним.

Сарутоби восхищало то, что Наруто, казалось, мог различать маски АНБУ - даже те, которые он никогда раньше не видел, - с той легкостью, с какой многие различают настоящие лица людей. Поговорив с психологом, он узнал, что система распознавания лиц закладывается у ребенка в раннем возрасте и основывается на людях, которые его окружают, поэтому Наруто всегда сможет различать маски АНБУ, но ему будет трудно (по крайней мере, поначалу, пока его система распознавания лиц не перестроится) различать настоящие человеческие лица.

"Что ты ищешь, Наруто?" спросил Сарутоби, когда Наруто начал рыться в ящиках, расположенных по бокам игровой комнаты.

"Уинк", - твердо ответил мальчик. Сарутоби улыбнулся и поднялся на ноги, чувствуя, как скрипят его старые кости.

"Уинк", - повторил он, с забавным оттенком в голосе. "Ладно. Давайте найдем его".

Потребовалось около восьми минут, чтобы найти Оинка, спрятанного за комодом, и Наруто тут же вцепился в пушистый клык, а его ноги подкосились, и он с грохотом упал на пол.

Спустя мгновение к ребенку присоединился Сарутоби, и вскоре Наруто (и Уинк) свернулись у него на коленях, пока он читал ребенку сказку.

Читая, Сарутоби мысленно рассуждал о том, что, вероятно, приближается время, когда Наруто придется реинтегрировать в общество. Он должен быть достаточно мал, чтобы никому не рассказывать о том, что произошло в его жизни, а это значит - до четырёх лет, иначе Хокаге придётся ждать, пока он станет достаточно взрослым, чтобы ничего не рассказывать, а это значит - пятнадцать или шестнадцать лет. Ждать так долго было несправедливо и вредно для ребенка, поэтому Сарутоби сделал мысленную заметку о том, чтобы начать готовить его к выходу из-под защиты АНБУ.

http://tl.rulate.ru/book/101261/3483641